

3. Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избр. статьи : в 3 т. Т. 3 : Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. Таллинн : Александра, 1992. С. 127–137.

4. Тихон Задонский, *свт.* Творения. М., 1994. (Репр. воспр. изд.: Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Изд. 5-е. М. : Синод. тип., 1889).

5. Тихон Задонский, *свт.* Собр. творений : в 5 т. Т. 3. М. : Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2008. (Святоотеческое наследие).

Л. Н. Житкова (Екатеринбург)

Мотив судьбы в творчестве А. С. Пушкина

Судьба, – поясняет В. И. Даль в своем «Словаре», – означает «участь, жребий, долю, рок, часть, счастье, предопределение, не минучее в быту земном, пути провидения» [2, с. 356]. Данное определение охватывает широкий спектр значений, которые в каждом частном случае нуждаются в уточнении. Пушкин также вкладывал разные смыслы в понятие *судьбы*, выступающее достаточно частотным мотивом в его текстах.

Предлагаемый материал не претендует на исчерпывающее исследование мотива судьбы в творчестве поэта. Интересен, в данном случае, тот его аспект, который проявился в произведениях Пушкина второй Болдинской осени (октябрь 1833 г.) – тогда были написаны «Медный всадник», «Пиковая дама», «Сказка о рыбаке и рыбке» и др.

Эти произведения – очень разные и по жанру, и по проблематике – обнаруживают, однако, концептуальную связь на мотивно-тематическом уровне и уровне системы персонажей, а именно – в отношении мотива судьбы и образов главных героев. Герои названных выше повести, поэмы и сказки сходны в том, что все трое принадлежат к низовым социальным средам («ничтожные герои», по слову Пушкина) и по сюжету оказываются в пограничной ситуации ожидания кардинальных перемен тех жизненных обстоятельств, каковы даны им самой природой вещей. Такой сюжет дает основание трактовать *судьбу* как «встречу» героев с обстоятельствами и понимание ими этих обстоятельств, существующих и меняющихся, также и выбор принципа поведения в этих обстоятельствах.

Привычно существуя в заданных пределах, пушкинские герои между тем знают, что ближе или дальше от них есть иные человеческие судьбы и иные обстоятельства, данные в удел счастливым. Это очевидно в случае с Германном, ощущающим себя изгоем в кругу аристократической молодежи, также со Старухой, со «знанием дела» передающей требования Золотой рыбки, также и с Евгением, который с завистью думает о «счастливых, ума недалёкого ленивцах, которым жизнь куда легка» [3, т. IV, с. 383]¹.

Когда же вдруг возникают в жизни и Германа, и Старухи обстоятельства, могшие как будто бы перевести их существование на иной статусный уровень, их постигает катастрофа: Германн сходит с ума, Старуха остается у «разбитого корыта». Она уже не сможет смириться с той долей, каковая была назначена ей изначально, когда «Старик ловил неводом рыбу», а «Старуха пряла свою пряжу» [т. IV, с. 451]. Теперь этот целостно-гармонический образ, вписанный в вечный круг бытия, разрушен.

Примечательно, что новые обстоятельства в жизни героев – тайна трех карт, явление золотой рыбки – возникают как фантастические феномены, что подчеркивает внежизненный смысл намерений героев переменить закон своей судьбы.

Пушкину, вероятно, близка идея о том, что человек должен осуществлять себя в пределах, данных ему Богом или некоторым объективным законом обстоятельств. Противодействие этой сверхволе или сверхзакону не есть благо для человека и не способствует его «самостоянию», как это ни парадоксально на первый взгляд.

Любимые герои Пушкина – Татьяна Ларина и Петр Гринев – реализуют себя именно в пределах личного пространства собственного опыта, не требуя ничего сверх того, что им дано – без вызова и бунта. Это личности неконфронтационного типа, которые существуют среди людей, внутри их мира, встраиваются в этот мир, в обстоятельства, что являет собою соборный образ бытия в его неслиянности и нераздельности. Соборность противостоит как индивидуализму, разрушающему человеческую общность, так и толпе, нивелирующей личность. В соборности человечество обретает свое единство и в то же время сохраняет неповторимые черты индивидуума, отдельного человека, поскольку это бытие, основанное на любви. Действительно, Татьяна, будучи «своей» везде – в деревне, в свете – не теряет своей

---

¹ Далее произведения Пушкина цитируются по данному изданию с указанием тома и страницы в скобках.

особости, не обезличивается – напротив: она максимально полно личностно воплощается и достигает того «самостоянья», каковое является «залогом величия» человека. В. Г. Белинский в свое время обратил внимание на «возвращение» Онегина в реальность, в жизнь как таковую: «...он мог быть счастлив или несчастлив только в действительности и через действительность» [1, с. 396]. На эту же черту критик указал как на важнейший элемент художественной философии поэта в целом.

Пушкин, – пишет Белинский, – «поставлял выход из диссонансов жизни и примирение с трагическими законами судьбы не в заоблачных мечтаниях, а в опирающемся на самое себя силе духа» [1, с. 295].

Тайна мудрости Татьяны и Петра Гринева состоит в том, что они глубоко чувствуют и сознают свою связь с корневыми началами жизни, важными и неизменными духовно-культурными ценностями. Для обоих героев такой ценностью являются честь и долг, определяющие как личностную суть человека, так и нравственный закон человеческого соборного сообщества.

Татьяна говорит о своей верности родительской воле («Меня с слезами заклинаний / Молила мать...»), семейному долгу («Но я другому отдана; / Я буду век ему верна») [т. V, с. 189]. Петр Гринев свято чтит наказ батюшки «беречь честь смолоду» в исполнении своего дворянского долга.

Все это означает не победу фатальных обстоятельств, не рабскую покорность судьбе – в действительности это ситуация осознанного свободного выбора («Я вышла замуж», – говорит Татьяна), исполненная однако глубокого драматизма, поскольку выбор духовно-нравственных ориентиров жизненного поведения неизбежно драматичен.

Обращаясь к «Капитанской дочке», следует подчеркнуть, что именно Петр Гринев с его любовно-семейной историей, а не Пугачев, является главным героем повести. Стоит обратить внимание на то, что Пугачев предстает как целостная личность лишь тогда, когда он действует и поступает как человек, кровно связанный с православно-религиозными традициями: прощает Гринева, спасает сироту Машу, возлюбит врага в лице Гринева. Но там, где Пугачев явлен как предводитель крестьянского бунта, личность в нем умирает.

Интересен в связи с нашей темой известный эпизод из жизни самого Пушкина – его стихотворный диалог с митрополитом Филаретом Дроздовым. На трагические строки стихотворения Пушкина

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена? [т. III, с. 61]

митрополит ответил стихами же:

Не напрасно, не случайно,
Жизнь от Бога нам дана... (цит. по: [4, с. 10]).

Пушкин затем написал исповедально-покаянно:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
<...>

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт [т. III, с. 165].

Из трех болдинских произведений, названных выше, «Медный всадник» занимает особое место. Здесь «ничтожный герой» Евгений тоже хочет изменить свой статус, но исключительно в пределах реальности. Он следующим образом представляет свое будущее:

Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-другой –
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба
И внуки нас похоронят... [т. IV, с. 383–384].

Но в жизнь Евгения вторгаются трагические обстоятельства объективного порядка: наводнение разрушает его мечты о семейном счастье с Парашей. Он ищет конкретного виновника своей трагедии и обвиняет Бога:

...иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей? [т. III, с. 386],

а затем бросает вызов Петру, воплощенному в Медном всаднике:

Добро, строитель чудотворный! –
Шепнул он, злобно задрожав, –
Ужо тебе!.. [т. IV, с. 393].

Вместе с тем Пушкин фиксирует изменения, которые совершаются с Евгением, вышедшим в большой мир из своего идиллического одиночества. В лаконичной манере, без развернутых комментариев поэт акцентирует примечательные моменты в новом состоянии сознания героя: «Прояснились / В нем страшно мысли...» [т. IV, с. 392], «Он оглушен / Был шумом внутренней тревоги» [т. IV, с. 391], «ужасных дум / Безмолвно полон, он скитался» [т. IV, с. 393], в связи с чем в финале поэмы возникает мотив юродства. Евгений познает страшную меру одиночества и отверженности – он стал чужим этому миру и мир не принимает его. К концу поэмы бунт героя должен был бы нарастать. Но Пушкин, замедляя действие поэмы, подчеркивая повторяемость картины (через глагольные формы несовершенного вида), рисует портрет Евгения, проходящего мимо памятника Петру, в новой стилистике:

И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой [т. IV, с. 394].

Портрет составлен исключительно из деталей, экспрессивно, утрированно воплощающих символический образ смирения и покаяния.

Что значит лейтмотив смирения – смущения – смятения? Не признание ли это своей вины за бунт? Не свидетельствует ли это действительно об изменении сознания героя и о постижении им иного смысла происшедшей трагедии, которая соединила его, Евгения, и Петра в общей бытийной судьбе человечества?

Список литературы

1. *Белинский В. Г.* Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1976–1982. Т. 6 : Статьи о Державине. Статьи о Пушкине. Незаконченные работы. 1981. 677 с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. IV. 683 с.
3. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1951. Т. III : Стихотворения 1827–1836. 1950. 552 с.; Т. IV : Поэмы. Сказки. 1950. 552 с.; Т. V : Евгений Онегин. Драматические произведения. 1950. 622 с.
4. *Сурат И. З.* Пушкин как религиозная проблема // Сурат И. З. Пушкин: Биография и лирика: Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. М. : Наследие, 1999. С. 7–37.

Е. Е. Приказчикова (Екатеринбург)

Мифология мистических собак и повесть Н. А. Дуровой «Ярчук – собака-духовидец»

Как и в мировой литературе, образ собаки в русской словесности представлен широко. Можно вспомнить верную Каштанку А. Чехова, трогательную Муму И. Тургенева, гордого и энергичного пуделя Арто из повести А. Куприна «Белый пудель», неразлучных друзей Б. Рябинина немецкого дога Джерри и эрдельтерьера Снукки. А была еще «Кусака» Л. Андреева, «Собачье сердце» М. Булгакова, «Мой Марс» И. Шмелева. Не остался без внимания образ собаки и в зарубежной литературе; это и «Зов предков», и «Джерри-островитянин» Д. Лондона, «Трое в лодке, не считая собаки» Д. К. Джерома, «Лесси» Э. Найта, «Исследование одной собаки»